

Глава 4

КИПЛИНГ

Когда мы приземлились в аэропорту Хитроу, уже наступило серое утро, а небо было затянуто одеялом из низких плоских облаков. Я поплотнее запахнула куртку, стараясь спастись от сентябрьской прохлады, и, дрожа, направилась на паспортный контроль. Несмотря на то что моя попытка объяснить причину поездки была откровенно жалкой, — я говорила, что направлялась к друзьям семьи по фамилии Грифон, — пограничник поставил в моем паспорте штамп и протянул его назад.

Зона прилета была полна народу, и каждый куда-то спешил. Кто-то торопился встретиться с семьей, кто-то хотел поймать такси, а кто-то — успеть на поезд или автобус. Вокруг меня словно текла река, а я стояла в самом глубоком месте. Сердце в груди заколотилось. Что я здесь делала? Я не могла поверить, что между мной и всем, что мне знакомо, — целый океан. Со мной могло случиться что угодно, и никто бы об этом не узнал. Я могла исчезнуть навсегда, и никому бы даже в голову не пришло искать меня здесь. Я оглянулась на закрывающиеся за мной раздвижные двери и задалась вопросом, получится ли у меня проскользнуть через них обратно, сесть в самолет и вернуться домой.

— Вы, должно быть, Маржан.

Мужчина выглядел примерно ровесником моего отца. У него оказались мелкие черты лица и ярко-голубые глаза, он был строен, а кожа его выглядела так, словно могла обгореть под ярким светом. Его твидовый пиджак и коричневые брюки могли показаться старомодными, не будь они столь идеально скроены.

Я колебалась. Может, стоит солгать? *Нет, никакая я не Маржан. Вы подошли не к той совершенно растерянной девчонке.*

Но пусть я чувствовала себя потерянной и одинокой и у меня не было причин доверять стоящему передо мной человеку, я увидела в его глазах нечто знакомое: беспокойство, собравшееся в складках узкого лица. Такое же выражение я видела у отца каждый раз, когда он смотрел на меня, перед тем как попрощаться. И почему-то я почувствовала, что могу доверять этому человеку. Ему нужна была помощь, и отчего-то он думал, что я смогу ее оказать.

Внезапно стены безмолвия, которые мой отец возвел вокруг своей жизни, показались мне тоньше, чем когда-либо. Казалось, еще чуть-чуть, и я услышу, как годы, полные секретов, выберутся на дневной свет. Я должна была все знать. Мне очень хотелось понять, что все это значит.

— Да, это я.

— Меня зовут Саймон Стоддарт, — представился мужчина. — Я рад, что вы приехали.

У обочины нас ждал черный «Мерседес»; водитель вышел из машины, открыл нам дверь и застыл в ожидании. Во мне сработал инстинкт самосохранения. Незнакомая машина, незнакомые мужчины, незнакомая страна — и все это из-за странной девушки с ее странным конвертом. Я остановилась так резко, что Саймон чуть не врезался в меня.

— Простите, — сказала я ему. — Я не знаю ни вас, ни его, и мне неизвестно, куда мы направляемся. Я просто...

Саймон так смутился, что мне стало его жаль.

— Боже мой! — воскликнул он. — Это совсем не годится, правда? Я отошлю водителя, а мы поймаем такси. Пока вы будете у нас, таксист будет ждать вас столько, сколько потребуется. Так-то лучше, правда?

Саймон жестом руки отпустил водителя, а потом оставил черное такси, дал мне знак садиться первой и тоже скользнул в машину. В автомобиле оказались кнопка связи с водителем и двусторонний динамик. Саймон назвал адрес, а затем, когда мы отъезжали от обочины, вежливо выключил микрофон с нашей стороны.

— Насколько я понимаю, вам дали не так много информации, — сказал он ободряюще.

Мы выехали на ровное прямое шоссе, ведущее на север. За окном проносились окраины Лондона, и Саймон начал свой рассказ.

Грифон был в его семье уже триста лет. Предок Саймона, моряк торгового судна по имени Алоизиус Стоддарт, спас его из покинутого гнезда недалеко от города Алеппо в Османской Сирии. Тот был совсем еще детенышем.

— Он, вероятно, был самым слабым из помета, — рассказывал Саймон.

С того дня каждый ребенок семейства Стоддарт рос бок о бок с грифоном. Алоизиуса, человека простого происхождения, посвятил в рыцари сам король Англии; семейное богатство росло уверенными, внушительными темпами. Потомки Алоизиуса отличались красотой, умом и состраданием.

Мы свернули с шоссе и выехали на дорогу поменьше. По обе стороны мелькали зеленые изгороди, чуть дальше на низких склонах паслись овцы. Территорию разграничивали каменные стены, которым было, наверное, сотни лет. В стороне от дороги стояли фермерские дома и усадьбы, в грязных загонах с ноги на ногу переминались лошади.

Такой и была жизнь моего отца? Сидел ли он сзади в незнакомых машинах, наблюдая за проплывающими мимо незнакомыми пейзажами? На секунду, смотря на раскинувшуюся за окнами сельскую местность, я почувствовала себя немного ближе к нему. Если бы папа не умер, сейчас на моем месте был бы он. Образ отца, сидящего в машине вместо меня, вызвал неожиданный прилив обиды. Если бы он был здесь, я бы сейчас сидела дома в полном одиночестве, ела сэндвичи с арахисовым маслом на завтрак, обед и ужин и притворялась перед каждым встречным, что все в порядке.

Я перевела взгляд на Саймона, смотревшего в окно.

— Как вы нашли меня? — спросила я.

— Метод очень старый, — отозвался он. — Когда Киплинг болен, мы поднимаем над домом специальный флаг.

— Киплинг — это грифон?

Саймон кивнул.

— Итак, вы поднимаете флаг. Что потом?

Он посмотрел на меня так, словно я пошутила.

— Ну как же, а потом приходите вы, — ответил Саймон. — Существуют посредники, которые передают сообщения. Имен я, конечно, не знаю. Не знаю, кто и как все это устраивает. Да меня это и не волнует. Гораздо больше я беспокоюсь о Киплинге.

— Я не знаю, чего именно вы от меня ждете, — призналась я.

— Киплингу нездоровится, — произнес Саймон. — Я осведомлен о том, что у вас мало опыта, но, насколько понимаю, вы все же можете ему помочь.

Саймон включил динамик, произнес: «Здесь поверните налево» — и выключил его снова.

Мы свернули на еще более узкую дорогу, затененную кронами изогнутых берез, под шинами зашуршала проселочная дорога.

— Здесь начинаются наши владения, — снова подал голос мужчина.

Мы завернули за угол и пересекли деревянный мост, перекинутый через журчащий ручей. По мере того как мы продвигались, лес, казалось, становился все гуще. На берегах ручья, под стройными березами, были заросли папоротника и ежевики, в воздухе пахло осенью и дождем.

— Вся эта земля ваша? — спросила я.

— Здесь около ста акров диких лесов, — ответил Саймон. — Раньше они предназначались для охоты на лис и тетеревов, но сейчас этим занимается только Киплинг. Он волен делать все, что ему заблагорассудится.

Деревья торжественно расступились, открывая взору построенный из песчаника особняк с островерхой крышей. Здание, поросшее виноградом, оказалось больше любого виденного мной до этого. С одной стороны его окружали ухоженные сады, а с другой был большой пруд, усеянный крошечными зелеными кувшинками. Водитель подвез нас к главному входу, громадной двери из покрытого лаком дуба с огромным медным молотком в центре, и мы вышли из машины.

— Вы живете... здесь? — спросила я Саймона, ежась от прохлады пасмурного дня.

Он усмехнулся.

— Временами я и сам удивляюсь. Нам очень, очень повезло.

Он поднялся по ступенькам, схватился обеими руками за дверную ручку и повернул ее. Тяжелый засов с приглушенным стуком отодвинулся. Саймон распахнул дверь и жестом пригласил меня войти.

В конце длинного холла большой зал особняка Стоддардов, огромный, словно пещера, светился теплом. Стены были обшиты панелями красного дерева, украшенными

уютными желтыми светильниками из матового стекла; по всей длине огромной комнаты тянулся ковер с кремово-бордовыми узорами. На одной из стен было несколько больших окон, выпускавших внутрь слабый дневной свет. Напротив стоял камин из необработанного камня, а над ним висели семейные портреты прошлых поколений. В очаге шептал и потрескивал пылающий огонь.

В центре комнаты сидел грифон.

— Киплинг? — произнес Саймон в мерцающий мрак. — Поздороваешься с гостьей?

Огромные крылья Киплинга были наполовину сложены, его задние львиные лапы, плотно прижатые к ребрам, пыльным оттенком напоминали шкуру этого животного. Передние лапы грифона заканчивались изящными загнутыми когтями. Когда Саймон приблизился, Киплинг слегка приподнялся и щелкнул клювом, а затем нежно потерся покрытой перьями головой о протянутую руку. Его кошачий хвост постукивал по ковру. Мужчина опустился на колени рядом с грифоном, что-то прошептал в оперение, почесал его голову и снова встал.

— Мисс Дастан, — произнес он, — познакомьтесь с Киплингом.

На мгновение мой мозг полностью отключился. Я не была напугана, не была восхищена. Я не чувствовала вообще ничего. В голове осталась лишь одна мысль — единственное, о чем я была способна думать.

Грифоны существуют.

Я медленно укладывала в голове новую картину мира. Меня по-прежнему звали Маржан Дастан, я до сих пор училась в старшей школе. Моими друзьями оставались Кэрри Финч и Грейс Йи. Мой отец не восстал из мертвых, и я все еще находилась в Англии. Все было таким же, как и прежде, — за исключением того, что теперь в устройство мироздания добавлялись грифоны.

И судя по всему, конкретно этого грифона мне нужно было осмотреть.

Глаза Киплинга настороженно сузились, он неуклюже раскрыл крылья, занявшие практически всю комнату. С огромным трудом грифон поднялся на ноги. Его голова с перьями и орлиным клювом, обрамленная великолепной львиной гривой, была низко опущена, оказавшись на уровне лопаток, когти врезались в замысловатые узоры ковра. *Быть может, среди этих узоров тоже затерялись ширдалы.*

Своими когтями грифон легко мог бы разорвать меня на части. Бежать было некуда, я оказалась во власти Киплинга и, не задумываясь, последовала примеру отца, вспомнив, как он поступал всякий раз, когда приближался к незнакомым животным. Я протянула к нему пустые ладони, показывая, что мне нечего скрывать, и опустила глаза, признавая его превосходство.

Через мгновение Киплинг, ничуть не впечатленный, приблизил клюв, чтобы меня обнюхать. Затем он будто бы резко сжался. Глаза закрылись, грудь расширилась, шея втянулась в плечи, а крылья снова сложились. Он весь подобрался, превратившись в тугий напряженный комок, а затем из него внезапно вырвался рвотный кашель, сотрясающий ребра и отдавшийся эхом в глубине легких. Киплинг взмахнул крыльями, ударив ими о потолок и пол, грудь его вздымалась, все тело корчило и тряслось.

Когда наваждение прошло, ноги Киплинга дрожали. Он вновь в изнеможении опустился на пол, не в силах выдержать собственный вес.

Вдруг я поняла, что передо мной не создание из сказок, а такое же животное, как и те, которых мы лечили в клинике. Ему явно нужна была помощь.

Медленно, шаг за шагом, я приблизилась. Киплинг наблюдал за мной устало и почти безучастно. От него пахло перхотью, как от попугая, но к этому примешивался аромат

древесного сока, зеленых сосновых иголок и чего-то еще — запах был яркий, отчетливый, но узнать его я не смогла.

Я оглянулась на Саймона, на лице его читалось беспокойство. Мне стало ясно, что должно произойти в этот момент: пора начать говорить. Я представила отца: он стоял посреди комнаты, спокойный и уверенный в себе, и прекрасно знал, что нужно сказать или спросить. Но что могла сказать я? Я понятия не имела, как устроены грифоны, и отличалась от отца. У меня даже не было ветеринарного образования. Мне не следовало приезжать.

Киплинг тоже, казалось, был настроен скептически. Он наблюдал за мной устало и равнодушно, даже когда его грудь сотряс очередной мини-приступ кашля. Его сомнения, как ни странно, утешало. Саймон надеялся получить помощь и ответы, но Киплинг ничего от меня не ожидал, а потому я не могла его разочаровать.

Теперь, оказавшись поближе, я видела, что в некоторых местах его перья облезли, мех был пятнистым, словно старый ковер, а глаза подернулись пленкой и по краям покрылись коркой. Я протянула руку и погладила гладкие перья на шее грифона, а потом спустилась ладонью к холке, где они превращались в мех.

Сначала я почувствовала какое-то покалывание в кончиках пальцев — так, наверное, ощущались бы телевизионные помехи. Покалывание пронеслось по моей руке, словно молния, начало разрастаться в груди, распространилось оттуда по всему телу, и скоро я перестала чувствовать что-то кроме него. Ощущение усилилось, в ушах раздался гул. Я стояла прикованная к месту, неспособная пошевелиться, даже если бы попыталась.

Затем покалывание исчезло, словно лопнул пузырь, и вместо него появилось множество других чувств. Они нахлынули на меня все разом, и я изо всех сил старалась в них разобраться.

Прежде всего я чувствовала яростную упрямую волю: казалось, будто меня поддерживал сильный ветер. Еще была меланхоличная тоска, заставившая меня взглянуть в одно из окон и поискать взглядом небо. Также появилось горькое нечеткое разочарование, словно в мире было слишком много препятствий, а сам он внезапно стал чуждым маленьким.

Но в основном я чувствовала боль.

Она была в легких, в желудке, в каждом ударе сердца. Что-то плотное и давящее прижималось к ребрам и змеей обвивалось вокруг позвоночника, рот обжигал едкий привкус. Я чувствовала себя безнадежно больной и слишком слабой, чтобы продолжать борьбу. Каждое ощущение, звук, вдох и прикосновение приносили боль.

Я отдернула руку, и все чувства испарились. Еще мгновение я была в ярком тесном помещении — слишком ярком и слишком тесном. Все вокруг застыло без движения и одновременно разлетелось на куски. А после я не чувствовала уже ничего, и мир перевернулся.

Саймон поймал меня, не давая упасть, и опустил на пол. Мгновение спустя кто-то осторожно вложил в мои руки стакан воды. Из-под копны каштановых кудрей на меня сверху вниз с беспокойством и заботой смотрели голубые глаза, намного моложе, чем у Саймона.

— Себастьян? — произнес Саймон откуда-то из избыточного пространства позади меня. — Что ты здесь делаешь?

На секунду взгляд голубых глаз скользнул наверх, куда-то за мое плечо, а потом вернулся ко мне.

— Тетя Челси сказала, что он заболел, — пояснил Себастьян.

— Ну разумеется, — не удивился Саймон.

— Так и есть?

— Это мы и пытаемся выяснить.

— Ты как?

Не сразу стало понятно, что тот, кого называли Себастьяном, обращается теперь ко мне. Я попыталась ответить, но у меня пересохло в горле. Я начала пить слишком быстро, словно пыталась заполнить пустоту, образовавшуюся недавно внутри меня, и поперхнулась.

— Полегче, — сказал Себастьян.

Он продолжил говорить, но в этот момент я потеряла сознание.

Однажды утром мы поссорились, папа и я. Он только что вернулся домой и был не в настроении. Видимо, поездка прошла не очень хорошо. Мне тогда было тринадцать.

Все началось с вафель из тостера, которые были холодными.

— Ну и гадость, — сказала я и отодвинула тарелку.

— Тогда можешь приготовить сама, — предложил папа и сделал большой глоток кофе из кружки. — Или возьми что-то у меня.

На его тарелке лежали сыр фета, редиска и лепешки, и он, наверное, заранее знал, каким будет мой ответ.

— Фу, — прокомментировала я. — Кто ест на завтрак редиску?

Можно было на этом и остановиться, но я слишком рассердилась.

— Почему ты никогда не готовишь настоящую еду?

— Это настоящая еда, — ответил папа.

Он помолчал немного, а затем добавил: «Это твоя культура, Маржан».

Моя мама, американка, всегда относилась к иранской культуре с куда бóльшим энтузиазмом, чем отец. С тех пор как она умерла, папа почти никогда не поднимал эту тему, а когда все же подобное случалось, мне всегда казалось, что на самом деле он общается не со мной. Мысленно папа говорил с кем-то другим. Думаю, так было с того самого

дня, как ее не стало. Кажется, это происходило всегда. Ему, как правило, удавалось сдерживаться, но иногда что-то вырывалось наружу.

В такие моменты папин голос слегка менялся, и я чувствовала, как у меня в груди что-то сжимается. словно я оказалась там, где мне быть не следовало, подслушивая неприятный разговор двух взрослых, но в то же время уйти не могла. Мне будто не оставляли выбора. И это всегда выводило меня из себя.

— Моя культура — вафли, — буркнула я. — Поджаренные, а не холодные. А *это*, — я кивнула на его завтрак, — не более чем пародия на *твою* культуру, *Джим*.

В такие моменты папа не то чтобы злился — он не терял самообладания, не начинал кричать. Вместо этого тон его становился резким, холодным и бесстрастным, словно кончик иглы для подкожных инъекций, прокалывающей кожу в поисках вены. Мне было больно, и в то же время хотелось пожалеть его. В такие моменты я видела отца насквозь и еще отчетливее понимала, насколько он на самом деле сломлен.

— Ради наших чувств, Маржан, мир не замирает на месте, — произнес он.

Его английский был бы безупречен, если бы не акцент, из-за которого гласная «у» в слове «чувств» звучала дольше и протяжнее, а буква «р» в слове «мир» не была такой звучной.

— Мир ничего тебе не должен. И меньше всего — объяснений.

Договорив, он снова отпил кофе и не сказал больше ни слова. Я попробовала дожарить вафли и сожгла их. На вкус вышло ужасно, и я весь день злилась.

После школы я раздраженно покрутила педали велосипеда в сторону клиники. Я всегда бывала там после уроков, независимо от настроения, — даже злясь на отца, я все равно любила проводить время с животными. Зайда

внутри, я увидела, что вестибюль был полон людей, смотровые пустовали, а процедурный кабинет погрузился в хаос бурной деятельности.

— Немецкий боксер наелся крысиного яда, — сообщила одна из фельдшеров, проходя мимо меня со стопкой только что продезинфицированных полотенец.

Я заперлась в пустующем отцовском кабинете и начала делать домашнее задание. Через некоторое время туда вошел одетый в белый халат папа. Его волосы растрепались чуть сильнее обычного, сам он выглядел немного более измученным, чем всегда.

— Пошли со мной, — произнес он.

Папа провел меня по коридору и остановился у дверей третьей смотровой.

— Открывай дверь медленно, — тихо сказал он. — И закрой ее за нами.

Свет внутри был тусклым, со смотрового стола донесся тяжелый вздох: «Уф». Мгновение спустя он повторился. На столе лежала сука немецкого боксера, глаза ее были полужакрыты, язык свисал изо рта. Она была подключена к капельнице.

Папа, стараясь не издавать ни звука, выдвинул стул и поставил его рядом со столом. Он осторожно присел и кивнул мне, чтобы я принесла еще один стул и присоединилась к нему.

— Она отравилась стрихнином, — прошептал папа, когда я села рядом с ним. Он бросил на меня взгляд, удостоверяясь, что я слушаю. — Мы вызвали у нее рвоту, дали ей активированный уголь и седативный препарат. Итак, — папа на секунду замолк, не сводя глаз со спящей собаки, — каковы наши дальнейшие действия?

Он меня проверял.

Я задумалась на мгновение. Отравление стрихнином вызывает у собак мучительные судороги, которые без

своевременной медицинской помощи становятся смертельными. Папа сделал все, что мог, пытаясь помочь отравленной собаке. Теперь нам нужно было...

— Теперь мы наблюдаем, — сказала я. — Ждем, не появятся ли судороги.

— Хорошо, — одобрил он. — А если начнется припадок? Я на минуту задумалась.

— Увеличим дозу седативного средства? — предположила я.

— Очень хорошо, — похвалил папа. — А зачем тут темно и мы шепчемся?

— Потому что... — начала я, надеясь, что ответ найдется сам.

Когда этого не произошло, отец закончил мысль за меня.

— Потому что яркий свет и громкие звуки могут спровоцировать приступ.

— С ней... — начала я.

— Мы приехали вовремя, — ответил папа, и казалось, что в его голосе слышится облегчение.

Потом мы сидели, прислушиваясь к дыханию собаки, наблюдая, как поднимается и опускается ее грудь.

Уф.

Уф.

Уф.

— Мир не должен тебе никаких объяснений. В отличие от меня. Когда ты будешь готова, я все тебе расскажу.

— Может быть, для этого нужно просто побольше практики.

Мы находились в кабинете дальше по коридору от большого зала. Я лежала на узкой кушетке, чувствуя, как ко мне возвращаются сознание, силы и равновесие. Парень по имени Себастьян, на вид мой ровесник, стоял у окна, засунув руки в карманы, и смотрел на сад. Я предположила, что он

помогал нести меня в кабинет, но постеснялась спросить. Саймона нигде не было видно.

— Я могла бы согласиться, — произнесла я, — если бы знала, что вообще имеется в виду.

— Тебе лучше?

— Немного. Где Саймон?

— Думаю, разговаривает с начальством моей школы. Надеюсь, он подтвердит то, что сказал им я.

— Саймон тебе...

— Дядя, — закончил он. — Я учусь в школе-пансионе, но когда услышал, что Киплинг болен, то... не мог не приехать.

Себастьян вскинулся, словно только что вспомнил что-то, затем быстро пересек комнату, подошел к столу, на котором стоял кувшин, налил воды в стакан и протянул его мне. На этот раз я пила медленно и, закончив, поняла, что могу сесть.

Мои нервы все еще звенели от удивления, смущения и боли. То, что я чувствовала, уже прошло, но в костях осталось гулкое эхо этих ощущений. Прислушавшись к себе, я поняла, что дышу осторожно, ожидая, что в любой момент меня охватит знакомый жар.

Себастьян сел напротив меня. Он был высок, и выbranное кресло оказалось ему мало. У него были ужасно длинные ноги, поэтому колени задирались чересчур высоко, мешая спокойно положить руки. В общем и целом Себастьян напоминал вялый веснушчатый крендель с неряшливой рыжеватой стрижкой, как будто собрался в первый класс. Он, должно быть, всегда был слегка неловок, но это лишь добавляло ему очарования. Себастьян как будто весь состоял из локтей и коленей, но лицо его было таким выразительным и живым, что забирало все внимание на себя, словно луч прожектора. Таким я увидела Себастьяна в первый раз.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

